

The background of the cover is a painting of a vast, mountainous landscape. In the foreground, a winding road curves along a steep, rocky cliffside. A caravan, consisting of several people on horseback and a large, multi-wheeled cart pulled by a team of horses, is traveling along this road. The mountains in the background are rugged and partially covered in snow, set against a deep blue sky. The overall mood is one of adventure and historical significance.

НИКОЛАЙ
МАЛЫХ

Эхо
Хаджи-Мурата

Истории
с продолжением

Николай Малых

Эхо Хаджи-Мурата.
Истории с продолжением

«Алетейя»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Малых Н.

Эхо Хаджи-Мурата. Истории с продолжением / Н. Малых —
«Алетейя», 2026

ISBN 978-5-00267-137-3

История, рассказанная в этой книге, не оставляет сомнений в ее истинности. Конечно, как в каждом художественном произведении здесь присутствует и авторский вымысел, иначе повествование превратилось бы в справку, выданную архивом. Надо отдать должное смелости автора, который не побоялся прикоснуться к теме Кавказской войны и национального героя Кавказа, Хаджи-Мурата, после великой повести Л. Н. Толстого. Повесть Николая Малых не о войне, она – о мире, о сплетении судеб, продолжающих жизнь, о сохранении традиций в современном мире, где их ценность и само право на существование поставлено под вопрос. Предания о предках неодолимы, как глубинное течение в своем движении по реке памяти: бережно сохраняемые в сердцах, передающиеся из поколения в поколение, наполненные настоящими ценностными человеческими качествами. Благодаря автору, на примере истории одной семьи читатель имеет возможность ознакомиться с традициями и обычаями целого народа. Эта повесть соединила в себе историческую реальность и повседневную современность. Несомненно, читателя привлекут традиции, обычаи горских народов, которые хорошо знакомы автору и являются украшением повести. Автор умело использует кавказский, преимущественно, дагестанский фольклор для создания и раскрытия образов героев, развития сюжета и формирования композиции всей повести. Книга содержит уникальные фотографии и личные документы из семейного архива.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00267-137-3

© Малых Н., 2026

© Алетейя, 2026

Содержание

От автора	8
Вместо предисловия. На одном дыхании	9
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Малых

Эхо Хаджи-Мурата.

Истории с продолжением

В оформлении обложки использован фрагмент картины И. К. Айвазовского «От Млеты до Гудаури» (1868).

Дагестанский музей изобразительных искусств имени П. С. Гамзатовой.

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ.

© Н. Малых, 2026

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2026

* * *

Посвящается моим друзьям Уме и Адилу Мугутдиновым; они родились на Кавказе и передали мне очарование этого края, они бережно сохранили истории своих родословных, которыми с любовью поделились со мной.

Наталье Балашиовой – моему редактору, наставнику и другу, моя благодарность.

В книгу включены иллюстрации Евгения Лансере (1875–1946) к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», впервые опубликованной в Берлине в 1912 г., после смерти автора, и только в 1916 г. – в Москве. После выхода в свет повести «Хаджи-Мурат» в Берлине, знаменитый художник и иллюстратор Е. Лансере получил заказ на создание иллюстраций к этой книге и 4 года занимался созданием этих иллюстраций, совершив продолжительную поездку на Кавказ.

От автора

История, которая рассказана в этой книге, запала мне в душу еще четыре года назад. Она постоянно возникала и беспокоила меня, волновала, жгла какой-то особенной болью. Я ощущал легкую дрожь от того, что начал прикасаться к событиям далеким и все-таки не забытым, к событиям, которые были не раз воспеты самыми разными писателями.

Как кислота, которая всегда расплавляет емкость, неподходящую для её хранения, и способна храниться долго только в стеклянном сосуде, сквозь прозрачные стены которого она видна всем, так и мысли, захватившие тебя трудно удержать, ими хочется поделиться, высказать их, но только, положенные на бумагу, они выходят на свет и начинают жить для всех уже своей собственной долгой жизнью.

Мысли переполняют меня, и я хочу поделиться ими, надеясь, что это будет интересно и вам.

Приступая к повествованию, понимаю, какую взваливаю на себя ношу и ответственность за прикосновение к истории и духу гордого народа Дагестана.

Я благодарю судьбу за то, что она свела меня с людьми, которые хранят в памяти историю своих далеких предков, события их жизни, горечь и счастье, пережитые ими.

Я преклоняю голову перед теми, в ком живут и сохраняются традиции и культура того народа, к которому они принадлежат. Пусть что-то утрачено и ушло безвозвратно, но их души до сих пор наполнены воздухом, которым дышали люди давно ушедших поколений. В их именах звучит музыка гор, а их лица – копии тех горцев, которых обжигали ветра долин и ущелий Кавказа. В их темных глазах, когда они загораются, вспоминая своих предков, я вижу огонь, искры костров, глубокие ущелья гор.

Сколько их было, сколько «сгорело», ушло по дороге Вечности, оставив память, живущую в их потомках.

Какое великое чудо – память! Мы до сих пор не знаем её до конца, но может это и хорошо? Если бы человек мог понять до конца, что такое память, раскладывать ее на составляющие части, манипулировать ею, искажать, стирать из неё все плохое, был бы он человеком? ...Как хорошо, что этого нет....

Память позволяет нам иметь в неизменном виде то, что нам дорого, что нас питает, греет, возвышает, делает чище, дает понять, кто мы, и что представляем собой в этом мире.

Ушли целые поколения, оставив в жизни самое разное, и хорошее и плохое. Многим мы гордимся, что-то нас огорчает или не очень-то радует, но это жизнь, жизнь и судьбы людей.

История, рассказанная в этой книге, не оставляет сомнений в ее истинности. Конечно, как в каждом художественном произведении здесь присутствует и авторский вымысел, да и невозможно без него обойтись, иначе повествование превратилось бы в справку, выданную архивом.

Хочу выразить свою глубокую признательность и благодарность людям, которые помогали мне в сборе информации и оформлении этого повествования, людям, без которых вряд ли состоялось эта повесть!

Вместо предисловия. На одном дыхании

Хорошая проза похожа на человеческое дыхание. Едва ли можно продумать заранее дыхание.

В книге, которая лежит передо мной, оно и не продумано, потому что эта книга написана на одном дыхании. Автор её, начинающий немецкий писатель русского происхождения, Николай Малых. Надо сразу отдать должное смелости автора, который не побоялся прикоснуться к теме Кавказской войны, национального героя Кавказа, Хаджи-Мурата, после великой повести Л. Н. Толстого.

И хотя есть некоторые места, где автор, несомненно, находится под влиянием своего великого предшественника, произведения эти совершенно разные. Повесть Николая Малых не о войне, она – о мире, о сохранении традиций в этом мире, о сплетении судеб, продолжающих жизнь.

Эта повесть соединила в себе историческую реальность и повседневную современность.

Несомненно, читателя привлекут те традиции, обычаи горских народов, которые хорошо знакомы автору и являются украшением повести. Автор умело использует, преимущественно, дагестанский фольклор для создания и раскрытия образов героев, развития сюжета и формирования композиции всей повести.

Привлекают внимание исторические ассоциации, которые чрезвычайно оживляют повесть. Вообще, значение истории в духовной жизни любого народа очень велико. Здесь уместно привести слова знаменитого Цицерона: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит навсегда остаться ребенком».

Герои повести – люди с сильно развитым чувством собственного достоинства, сохраняющие глубокие традиции своего народа, свою историю, своих национальных героев. Автору удалось погрузиться в мировоззрение, быт героев книги, изучить множество деталей, чтобы сделать их живыми людьми. С поставленной задачей он справился.

Персонажи, созданные богатой фантазией автора, живут в реальной обстановке, мыслят и действуют сообразно духу своего времени, своего века, и в то же время, становятся близкими нам, современным читателям, потому что решают жизненные вопросы, актуальные для людей любой эпохи.

Автор с глубоким уважением и любовью относится к своим героям, сумев сохранить и передать характер каждого из них, и характер тех взаимоотношений, которые тонкой нитью связали их судьбы.

В этой связи мне хочется напомнить слова известного русского историка В. О. Ключевского: «История – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого».

В повести Николая Малых отсвет из прошлого органично соединился со светом будущего в прекрасный гимн жизни, исторической памяти поколений, связанных, по воле автора, нитью исторических и народных традиций. И все это, как мне кажется, будет интересным читателю.

Андрей Дементьев

Пролог

Германия. Нюрнберг. Тихая улочка под названием Березовая, (хочется писать только в переводе), заканчивается Т-образным перекрестком, за ним изгородь, которая отделяет железную дорогу. Первый дом, у перекрестка, в три этажа. Его окна смотрят в сторону улицы и железной дороги, стены, слегка зеленоватого цвета, увиты старым плющом. Таких тут много. Уютная гостиная комната, где мебели всего-то: диван, два кресла, да стол. Но, стоящий в углу, у окна, мольберт с подрамниками, множество картин на стенах, делают эту комнату необычной. Хозяева, приветливые люди, с которыми я уже знаком двадцать лет. Они интересные личности, яркие художественные натуры с неподдельными, искренними эмоциями. От них веет добротой и еще чем-то особенным, что присуще только людям с Кавказа.

Уже давно в прошлом остались Россия, Дагестан, Кавказ, та сторона, где прошли детство, юность... Но в их душах навсегда поселилась память о родных местах, где живой нитью слились истории их родителей, дедов, прадедов – то, что называется памятью своего рода, своих корней.

Я часто замечал, что Ума, хозяйка дома, долго и задумчиво смотрит в сторону уходящей вдаль, на восток, железнодорожной колеи и задавал себе вопрос, о чем она сейчас думает? Может, уносилась она мыслями в те далекие края, где остались ее родные, могилы её предков, в Махачкалу, или в Нижний Дженгутай, или в Темир-Хан Шуру? Может она вспоминала те песни Дагестана, которые пела ей бабушка Саадат, жена Изима Мехтулинского, из рода ханов Мехтулинских, а может она видела те картины, которые написал ее отец, заслуженный художник Дагестана Юнусов, (Юнусилау), Магомед Таир Магомедович...

Очередная наша встреча протекала, как обычно, я играл в шахматы с Адилем, пили чай. Наши дамы, сидя на диване, тихо о чем-то беседовали. Краем уха улавливал, что речь шла о традициях древнего Дагестана, точнее, об устройстве быта в доме, отношениях женщины и мужчины. Партия была еще неоконченной, хотя исход был явным и не в мою пользу... Адиль вздохнул, и я понял, что он так же, как и я слушал женщин. Тут он с улыбкой посмотрел на меня и сказал:

«Вот бы вернуть те времена»... Засмеялся. Женщины, замолчав, смотрели с укором на нас. Ума протяжным своим голосом, почти пропела, что тогда надо вернуть и тех мужчин... Это был намек, удар ниже пояса. Всем было весело. Удачное парирование задевало нас за живое. Наступила пауза, которая затянулась. Каждый думал о своем.

Чтобы как-то разрядить обстановку, я стал говорить о том, о чем читал в «Кавказских рассказах» Толстого. Говорил о присоединении Россией Кавказа и о том, что до сего дня идут споры среди тех, кто занимается этой историей. В это время Адиль, хозяин дома, ходил по комнате, больше молчал, периодически приближался к окну, замирал, затем взявшись рукой за подбородок, возвращался к картине на стене, на которой была изображена горная долина, вся покрытая маками... О чем он думал, почему был так беспокоен? Остановился напротив меня, глаза его горели, он что-то хотел мне сказать, но отвел взгляд, сел в кресло напротив. Мне хотелось спросить его, чем он так обеспокоен, и только я собрался это сделать, как он опередил меня. Адиль стал медленно говорить, его взгляд был направлен мимо меня, он смотрел в окно... Голос его был тихим. Все смотрели в его сторону, а он продолжал... Потом вдруг спросил меня, может ли он рассказывать, есть ли у нас время выслушать его, но не дождавшись моего согласия, которое я не успел высказать, он снова продолжил, не замечая нас.

То, что он стал рассказывать, казалось невероятным. Я просто отказывался верить в то, что слышу, но Адиль был очень убедительным. Он говорил и говорил... Называл места, даты, имена, часто употреблял свой родной язык, язык, который был для меня непонятным, но это только придавало какую-то силу и таинственность его рассказу. Адиль утверждал, что много раз слушал рассказы своего деда Мугутдина – Хаджи из Гоцатля, который расположен неда-

леко от Хунзаха, в центре Дагестана. Рассказ Адиля длился в течение длительного времени, он сбивался, часто повторял то, что уже говорил, но только для того, как я понял, чтобы убедить нас в правдивости его истории.

Эта история уносила меня в те далекие годы, когда ещё были живы народные герои Дагестана, знаменитые Шамиль, Хаджи Мурат, когда на земле Дагестана были в почете Аварское и Мехтулинское ханства, когда седые горы видели именитых лиц Российской империи: Воронцовых, Розена, Ключенау и других. Адиль закончил свой рассказ, как-то внезапно замолчал и все смотрел туда, в окно. Он был еще там, в тех местах: Хунзахе, в Нижнем Казанище, где родился, в Гоцатле.

Ума, Умжаган ее полное имя, первой пришла в себя от оцепенения, в котором мы все находились. Она, как бы встрепенулась, глаза её засветились, на лице появилось такое, что заставило меня почувствовать, что сейчас должно произойти нечто удивительное. Трудно передать мое состояние, когда я увидел перед собой не Уму, а птицу в полете, птицу, которая расправила крылья и делает круг, парит над долиной Кавказа. Это была незабываемая сцена! Теперь говорила она, но говорила с высоты полета птицы....

Это был день истинного откровения! Восторг переполнял меня, я был горд от того, что стал причастен к этим историям, пусть, как слушатель, пусть, как созерцатель действия удивительных рассказчиков, которые дополняли то, о чем они говорили. Я был переполнен переживаниями и это можно было назвать тем маленьким кусочком счастья, из которых складывается, зачастую, счастье большое!

Откровение за откровением... Ума не рассказывала раньше мне то, о чем она говорила сейчас. Я понимал, что откровение мужа помогло подняться ей на эту высоту.

Я был человеком в этой семье не чужим, наше знакомство длилось уже более пятнадцати лет и, казалось бы, мы знаем все, но я ошибался. Ранее, два-три года назад, мы называли друг друга братьями, но и это не давало мне право знать то, что я слышал сегодня. Может ли кто понять меня, понять мои переживания в эти минуты, когда я стал посвященным в тайны семьи. Это стоит дорогого. Я спросил: «Почему раньше, ведь мы так давно знакомы, я не слышал от вас этих историй?» Здесь я должен заострить внимание читателя на таком факте, что передо мной находятся люди с Кавказа, с особенными, обостренными чувствами совести, природной порядочности. Эти качества переходят с молоком матери, переходят из поколения в поколение от отцов, матерей, дедушек и бабушек. Это люди, у которых скромность превыше всего. Они не кричат на каждом углу, они берегут гордо свою историю, передают её из уст в уста каждому новому поколению, бережно храня в сердцах предания своих предков.

Здесь среди гор, где границы Германии, Австрии и Швейцарии сливаются у красивого горного озера, образуя звездочку из трех лучей, текла размеренная, выверенная веками, жизнь. В небольшом, частном пансионе, сидя в уютном кресле на террасе, наблюдал закат. Солнце уходило за горы, снежные вершины Альп золотились в последних лучах заходящего солнца, а тут внизу уже наступала ночь. Вокруг только что включенных фонарей, вились мотыльки, они то удалялись, то приближались к свету, какая – то размеренность, ритм, но одновременно и непредсказуемость движений, напоминали танец... Вершины гор погасли, теперь только их силуэты выделялись на темно-синем фоне неба. Зажигались первые звезды. Только мотыльки все продолжали виться-плясать вокруг фонарей. Этот танец... Он не давал мне покоя. Что-то в моем подсознании заставляло меня напрягаться, толкало к воспоминаниям. Моя память начала извлекать отрывки из моей жизни, эти лоскутки я складывал, и вот уже получалась мозаика, картина. Я вспомнил наш Кавказ, те места, где жил и работал, где сталкивался с разными народами, населяющими его, встречался с простыми людьми из городов, сел, аулов и хуторов. Это были адыги, кабардинцы, чеченцы, армяне, грузины, абхазы, греки, татары. Но вспоминал еще я аварцев, лезгин и кумыков, вспоминал кумыка Адиля из Нижнего Казанище и Уму, и те истории, рассказанные ими, которые мне не давали покоя.

Этот танец... Я вспомнил! Это была лезгинка, которую виртуозно исполнял молодой мужчина на ступенях крыльца своего дома. Я почувствовал, что непременно должен, должен рассказать об этом....

По возвращении я спросил разрешение у моих друзей, точнее у названных брата и сестры, на то, чтобы написать об их историях, о том, как две судьбы, жизнь двух родов сходились, расходились и вновь сплетались в одну. Рассказать и о том, что линии жизни периодически связывались узлами известных событий и известных личностей. Захотелось показать это людям. Друзья благословили меня.

*«Когда одиночество комом подкатит под горло
И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадет, —
Крик этот о помощи эхо подхватит,
подхватит проворно,
Усилит и бережно в руки своих донесет».*

В. Высоцкий

Глава 1

Орел медленно парит над долиной, ловя потоки воздуха, делает очередной круг, все выше и выше уходит в небо. Повороты его головы, размеренные, спокойные, то влево, то вправо, выдают напряженную работу. От его острого взгляда не ускользает ни одно, даже мельчайшее движение внизу, на земле. Он зорко следит и за тем, что происходит в небе. Стайка диких голубей, вылетевшая из каньона, заметив «хозяина», резко изменила направление полета, устремилась вниз, издавая гулкие хлопки крыльями, и скрылась под небольшим выступом обрывистой кручи каньона. Орел теперь парил ближе к краю обрыва, там, где начинался каньон, образовавшийся в результате вечной работы реки Тобот. Цолотлинский каньон с водами Тобота, как рука, питающая Аварскую Кайсу, был прекрасен, вызывал трепет и уважение к исполину.

Безоблачное, весеннее, голубое небо казалось умытым и праздничным. Солнце, стоящее в зените, такое же праздничное, заливало все своим светом, отдавало нежное тепло этой суровой земле, которая просыпалась после длительной, колючей зимы.

Зеленая, молодая трава, где-то только островками, пробивалась к свету, к теплу, а где-то уже был расстелен ковер из трав. Первые цветы чабреца, горного клевера, всех оттенков скабиозы, маргариток, шалфея, вьюнка и многих других соцветий дарили свой нектар неутомимым пчелам и шмелям. Аромат трав и цветов наполнял долину и, кажется, что пчелы и шмели, опьяневшие, движутся медленно, нехотя, с трудом перелетают от цветка к цветку, и, переполненные нектаром, летят зигзагами к своим семьям.

Насколько видно глазу, гора Акоро, вершины и склоны хребтов, ослепительно белые, отражают, как зеркало, голубое небо, и от этого белый снег кажется голубоватым. Небо щедро дарит свои краски земле. Вот потоки тающего снега, такого же небесного цвета, как веселые шалуны гор, бегут, бегут вниз, задевая все и вся, катят со смехом камни и только в самом низу, как бы с изумлением, встречая мощный поток реки, вливаясь, бросаются в него, еще не совсем осознавая, что превращаются в грозную, необузданную силу. Тобот, как бы радуясь новым друзьям, с ласковым шипением бурлит-гладит своих малышей-новобранцев, принимает их в свое воинственное русло, разрастается, становясь свободным и непокорным. Река вздувается, как вена натруженной руки, и со всего маху, у аула Арани, низвергается с ревом в бездну каньона. Вода рассыпается на мириады потоков, капель, превращается в водяную пыль, туман, а солнце, заметив это, развешивает радугу. Радуга висит над туманом парящей воды и, как венец восторга, ставит точку в этом царстве свободной и вечной природы.

Хунзахская долина напоминает спящие караваны двугорбых верблюдов, где холмы перемежаются с балками. Местами встают огромные камни, они, то там, то тут, как часовые, охраняют и стерегут покой этой древней стороны. Хунзахское плато простирается на десяток верст, в длину и ширину. Это прямоугольник, зажатый со всех сторон величественными хребтами Кавказа и только на юго-восточной стороне, в пятистах саженей от Хунзахской крепости Арани, цитадели Аварского ханства, равнина обрывается в пропасть каньона.

Крепостные стены, выложенные из местного камня, как сведенные седые брови мудрого аксакала, нависают у самого края земли. Плющ, цепляясь за выступы камней, поднимается по стенам старой крепости. Местами маленькие оконца-бойницы укрываются им, он служит дополнительной маскировкой. Крепость видела и помнит многое, она разрушалась, но, как птица феникс, вставала вновь из пепла. Она помнит македонцев, помнит арабов, помнит своего царя Сарира, помнит русских. В памяти ее хранятся отголоски о Тамерлане, зверства турецкой армии во главе с Мустафой-Паши. Сколько помнит эта земля, земля через которую проходили многие пути, куда стекались разные племена. К юго-западу, на расстоянии около трех верст, у подножия горы Акаро, за речкою Тобот, падающей водопадом в Цолотль, расположен аул. Это сердце Дагестана, древнейший центр всей власти Северо-Восточного Кавказа,

это – Хунзах. Две девушки, смеясь, поднимались к роднику, нахоженной годами тропой. Движения девушек были размеренными, выверенными, чувствовалась сила и гибкость их юных тел и, казалось, что от них исходит то, что зовется самой жизнью. Тропинка вилась змейкой, уходила то влево, то вправо, образуя своего рода ступени и облегчая тем самым подъем. Мелкие камешки слегка шуршали, иногда проскальзывали под их мягкими, сафьяновыми чувяками, поэтому приходилось идти осторожно, чтобы не упасть. В руках они несли по медному, с высоким горлом, кувшину, а на груди висел еще один, поменьше. Кувшинчики позвякивали, касаясь пуговиц платья и украшений. Звон кувшинчиков напоминал звук жергъеня.

Родниковая вода стекала ручейком по подложенной, неизвестно когда и кем, каменной плите. Уже никто и не помнил, кто и зачем укрепил здесь эту плиту, только след от воды на камне, глубокая борозда-желобок, говорил сам за себя. Вода десятилетиями, а может и веками, точила этот камень-плиту. Ниже, в половину сажени, лежал камень со скошенной гранью, верхняя часть его была изрыта мелкими углублениями от постоянно падающей воды. В зависимости от времени года и количества воды, струя меняла свой угол падения и потому углубления были разными. В центральной части они сливались, образуя ломаную линию. Вода стекала по камню вниз, только вверху от падения возникали маленькие фонтанчики. Вода здесь дробилась и игриво скользила дальше. Около камня, на который падала вода, окружая его, был устроен маленький пруд, но с боков можно было удобно подойти к струе падающей воды. Вода в пруду была прозрачной и очень холодной. Мелкая рябь от воды искрилась, вода постоянно легкой волной набегала на край, который был влажным и изумрудным от водяного мха. Ближняя часть водоема была закруглена и центром вдавалась внутрь, здесь каменный край был ниже, и вода стекала, образуя ручей, который вскоре исчезал в каменистой почве. Водоем напоминал форму груши, точнее сердце.

Достигнув родника, девушки стали наполнять свои сосуды, продолжая о чем-то весело говорить и смеяться. Приходилось ловить струю, мелкие брызги от которой разлетались в стороны, попадали на лицо, обжигали холодом, взбадривали. Наполнив до верха кувшины, поставив их рядом на камни, девушки, сняв платки-квархи, умывались. Осторожно отодвигая мучьи, яркое покрывало-мешочек для косы, идущий от чепца, обтирали шеи, брызгали водой друг на друга и все говорили, говорили. Вспоминали о прошедшем вчерашнем дне, о празднике воды. Вчера, на сороковой день после весеннего солнечного равностояния, они приходили сюда в предрассветное время, чтобы умыться из этого родника-лъяма. Они верили, что это даст им красоту и здоровье. Сегодня они чувствовали, что родник выполняет их желание и от этого они счастливы, веселы, полны надежд и веры. Немного полюбовавшись на фонтан, они поднимали тяжелые кувшины с водой и, мягко ступая, осторожно сходили вниз. Грациозность их движений, талии, перетянутые красивыми поясами, украшенными чеканными серебряными пластинками, разноцветье одежд и эти медные, сверкающие на солнце кувшины, придавали им особенное обаяние и притягательность.

С левой стороны послышался топот копыт приближающихся коней, из-за холма вынырнули два всадника. Завидев спускающихся девушек, спешили, а затем, гарцуя стали приближаться к месту, где от дороги начиналась тропинка, ведущая вверх, к роднику. Поравнявшись, остановились. Девушки смущенно опустили взгляд, прикрывая лица краем платка и, стараясь не смотреть на двух джигитов, продолжали спускаться. Один из подъехавших, резко рванул поводья, гикнул своему кабардинцу команду: «Вперед!», и стал подниматься навстречу спускавшимся, немало напуганным ясам. Преграждая дорогу, остановился. В другое время он бы не посмел вести себя так дерзко по отношению к ней. Они давно уже знали друг друга, неоднократно встречались на вечеринках – синкъярам. Он несколько раз вызывал ее на танец... Как она была хороша, грациозна в танце, а он от стеснения становился угловат, сбивался с ритма, краснел... Ее черные глаза выдавали волнение, теперь она смотрела прямо в лицо, смутившего ее. Глаза их встретились, они долго смотрели друг на друга.

Он улыбнулся, но улыбка утонула, спряталась в его молодой бородке. Отвел глаза, как-то смущено выпрямился, поправил свою лохматую, баранью папаху, хотел что-то сказать, но удержался, стал поворачивать коня. Она запомнила это скуластое лицо, эти пронзительные глаза с тех пор, когда впервые, еще год назад, на празднике, он пристально и долго смотрел на нее. Каким же он был ловким, смелым и сильным! Там в Хунзахе все знали их, его и брата Османа, из узденей. Хаджи-Мурат был молочным братом Абу-Нуцал-Хана, сына Султана Ахмед-Хана Аварского.

Подул легкий ветерок, над хребтом Танус-дерилбал собирались тучи. Вдалеке, справа на дороге, совсем маленькой точкой, показалась арба, запряженная двумя волами. Отсюда, сверху, хорошо было видно, как арба медленно двигалась и, казалось, что само время размеренно, неторопливо приближается из далекой вечности сюда, в это настоящее. Выбитые деревянными колесами, вечно катящимися арбами, колеи сходились в одну линию вдали, уходили за хребет, а здесь, рядом с источником, были отчетливо видны две линии, которые сойдутся в одну у другого горизонта...

Арба, нагруженная хворостом, остановилась, слегка приняв вправо. Всадники, которые галопом неслись ей навстречу, поравнявшись, пустили коней по траве. Видно было, как от копыт скакунов отлетают цветы маков, они, как брызги, как капли крови разлетались своими лепестками, падали у дороги и было в этом, что-то мистическое, напоминающее о чем-то страшном, грозном, что вызывало тревогу.

Гури усиливался, теперь он пронизывал холодом до костей, рвал одежды, завывал. Небо быстро затягивалось низко летящими, разорванными в клочья, черными тучами. Орел улетал в сторону горы Акоро. Надвигалась гроза. Всполохи молний освещали вершины хребтов, отражались от снега, освещая снизу тучи, которые породили их, это была нескончаемая, буйная игра света. Раскаты грома падали, рассыпались по склонам гор, катились по ним, эхом ударяли повсюду и накрывали своим шумом все живое, наводя ужас и страх. Эхо в горах жило всегда, оно отзывалось, разговаривало, но сейчас было другое эхо. Сегодня, в грозу, оно устрашало, заставляло бежать, прятаться. Первые капли дождя упали на не успевшую высохнуть, влажную землю.

Солнечный лучик восходящего солнца ворвался через крохотное окно – бойницу, упал на лицо спящего и теперь медленно скользил, сползал, уходил в темноту каземата. Яркий свет, ударивший в приоткрытые глаза, заставил их прикрыть. Постепенно приходило понимание случившегося. Хотелось встать. Правая рука затекла от неудобного, полулежачего положения, короткая цепь, которой он был прикован к пушке, не давала свободы. Кисти рук, связанные веревкой спереди, отекали, запястья ныли от давящего узла. С трудом натянул папаху, которая свалилась во сне. Теперь он сидел, опершись спиной о колесо пушки. Холод не давал долго спать, просыпался, старался плотнее укутаться в бурку. В углу послышался шорох, раздался писк и две мыши, проскочив через полоску света, исчезли в темноте противоположного угла. Так сидя, опустив голову на колени, подложив руки, смотрел в тот угол, где только что исчезли две свободные мыши и куда уходил лучик солнца. Вспоминал сон, который был таким ярким, ёмким. Казалось, что вся жизнь прокатилась медленно той арбой, с остановками. Спал ли он?..

Почему приснилась родная долина, эти горы, хребты, бурный весенний Тобот, ревущий водопад и та радуга? Почему вспомнил того орла, свободно парящего в небе и этот колосс каньон? Почему вспомнил он ту, у родника, на которой хотел жениться, да не пришлось? И совсем странно, почему он увидел эту дорогу? Она, такая привычная, с детства знакомая, уходила вдаль, сливалась, превращалась в ниточку и там за холмом, почти у горизонта исчезала. Что все это могло обозначать?

Послышался металлический скрежет поворачивающегося ключа в замке. Встряхнув головой, пытаясь сбросить дрему, Хаджи-Мурат медленно встал. Противно звенела цепь. Со скрипом отворилась дверь. Протискиваясь в проем, пригибаясь, вошел огромного роста охран-

ник, русский солдат. В одной руке он держал глиняную миску с просяной кашей, в другой – кувшин с водой. Молча, поставил миску и кувшин у ног этого страшного, лохматого в своей бороде, папахе и овчинной бурке человека, отступил на шаг и теперь искоса рассматривал знаменитого узника, известного всем далеко в округе. Взор его скользил снизу вверх, остановился на лице и, встретив острый взгляд Хаджи-Мурата, отпрянул. Суется, поспешил к выходу, запнувшись, чуть было не упал. Закрывающаяся дверь, от сильного удара с шумом отскочила от косяка, вновь распахнулась, солдат переступил через порог, потянулся к ручке, с опаской смотрел в сторону Хаджи-Мурата, а тот, как тигр, подавшись вперед, рыкнул на перепуганного вояку... Звякнул металл замка. Хаджи-Мурат громко расхохотался.

Постепенно смех его затихал, теперь хотелось кричать от обиды, несправедливости, ото лжи и предательства, от унижений. Почему с ним обращаются, как с абреком? Он долго смотрел на поставленную у ног еду, горло перехватило, горечь жгла, ком обиды давил, не давал дышать, он стал медленно сползать на землю, упершись спиной в пушку. Оттолкнул миску ногой, с досадой, почти шепотом сказал: «Бросили, как собаке на цепи!»

Он снова сидел на земле, положив голову на колени, проваливался в полусон. Так прошло несколько минут, а может и часов. Хотелось пить. Подвинул ногой стоявший рядом кувшин, ухватил его за высокое горло и стал с жадностью пить. Отбросив пустой кувшин, стал медленно заваливаться на правый бок. Тяжелый стон зверем вырвался и завис в пустоте каземата, теперь этот зверь диким ревом отдавался в ушах, пульсировал, бился в висках. Хаджи-Мурат не мог избавиться от этого звериного стона-крика, он был везде: в душе, в темноте каземата, висел в воздухе и даже в этом ярком луче солнечного света. Он понимал, что значит эт

Холод делал свое дело, клонило в сон. Вновь стали наплывать картины из прошлого, память выхватывала отрезки жизни и разворачивала их, как ковер, где были светлые и темные цвета, все плыло перед глазами...

Глава 2

...Осман!.. Осман!..

Была ночь. В бойнице виднелась, мерцающая голубым светом, холодная звезда, а рядом, совсем маленькая, вторая. Холод, этот мучитель холод! Стало приходить понимание, что кричал во сне, звал брата. Как давно это было! А он помнил все. Тогда, 19 сентября 1834, в его неполные восемнадцать лет, жизнь разделилась на «до» и «после»...

Шли четвертые сутки... Собаки брезгливо обнюхивали и, ковыляя, отходили, останавливались, поворачивали морды в сторону лежащего, скулили, не понимая, почему этот человек лежит на земле, не встает. Мухи ползали по лицу, с жужжанием подсакивали и снова садились, застревали в бороде, залезали в полуоткрытый рот.

Четверо крепких мужчин укладывали труп на две продольно положенные жерди. Хунзацы решили захоронить смердящее тело Имама Гамзат-Бека, которое оскверняло место возле мечети. Вместе с ним они хоронили еще и то, что было им ненавистно, казалось диким, чуждым, далеким от их веры – мирюдизм. Хоронили и, казалось, ставили последнюю точку в истории Аварского ханства, потому что хоронили убийцу ханши Паху-Бике, последней его правительницы и ее сыновей: наследников Абу-Нуцал-Хана, Умма-Хана, а также двоюродного брата последнего хана, Сурхай-Хана. Кровь, везде кровь...

Мулла оповещал о начале пятничной, праздничной службы. Верные стекались к мечети, разувались и, к своему удивлению, узнавали, что бурки надо снимать и складывать в угол. Это вызывало раздражение, в воздухе витало предчувствие недоброго, народ роптал, но повиновался. Гамзат стоял в центре, окруженный мюридами, которые были в бурках, при саблях. Лицо Хана было спокойным, но когда вошли Осман, Хаджи-Мурат и еще несколько человек в бурках, он стал пятиться и отходить. Вперед выступила охрана, его нукеры. Осман дерзко смотрел на Гамзат – Бека, потом медленно, следя за Ханом, сказал, чтобы правоверные встали и поприветствовали такого важного мусульманина. Оглушительный выстрел Османа потряс стены старой мечети. Гамзат качнулся, схватился рукой за сердце, и тут прогремели еще несколько выстрелов. Хан упал замертво. Люди, в изумлении от неожиданности происходящего, какое-то время были в оцепенении, и только сверкнувшая сабля мюрида, рубившая Османа, привела все в движение. Народ понял свершившееся, понял, что Осман застрелил ненавистного им убийцу. Крики заглушали звон сабель, стоны раненых тонули в крови. Кровь, кровь везде...

Осман!.. Осман!..

Хаджи-Мурат на руках вынес изрубленное тело брата из мечети, нес среди расступавшихся односельчан, встречал глаза, которые выражали и скорбь, и любовь одновременно. Он видел в этих глазах преданность, веру и надежду. Это был их герой, заступник, который выполнил свой долг чести и справедливости. Кровь за кровь!

Он помнил тот день и сейчас, и как тогда, безнадежно звал брата в своем полусне. Но темнота ночи, каземата, заполненная отчаянным криком-зовом, поглощала и растворяла в себе память, картины из прошлого, только звон кандалов возвращал к настоящему. Что-то жгучее резало глаза, но слез не было, только стон вырывался из груди и тонул в темноте.

Светало. Начинались третьи сутки его заточения. Все те же две мыши выскочили из угла, но теперь они остановились недалеко от него, смотрели своими маленькими черными глазками и не боялись, возможно, понимали, что он не опасен. Хаджи-Мурат усмехнулся и только сейчас, впервые, так остро ощутил боль, боль от того, что он скован кандалами и не может, как эти мыши, бежать и радоваться свободе, свободе движения, свободе жизни.

Солнце поднималось все выше, он смотрел на него и видел лицо той, которая была так мила и любя его сердцу. Как хорошо запомнил он тот душный вечер...

Его конь несся в бешеном галопе. Налет на Кахетию был удачным. Спереди, перед седлом, связанная, с заткнутым ртом, тряслась от бешеной скачки и от страха красавица, за которой он так давно охотился. Сердце билось от дикого счастья, от обладания этой прекрасной добычей, которую он вез к себе домой. Так делали все, делали веками, и это считалось удачей. Он понимал, что ему будут завидовать, считать счастливым, настоящим джигитом. Еще бы! Он украл невесту, именно невесту, он не продаст ее ни за что, не обменяет на выкуп. Он давно следил за ней, за этой грузинкой.

Его Дарижа, как он был счастлив с нею! Он вспомнил тот миг, когда она, его красавица, родила ему первенца, сына Гуллу. На празднике все приглашенные желали мира и покоя, а старый дед Осман-Илязул Гаджиев, отец отца дал его сыну имя Гулла, что означало – пуля.

Он смотрел на солнце, он не закрывал глаза и то, что оно его слепило, в эти минуты было приятным, теплом растекалось по телу, грело сердце.

Продолжая смотреть на солнце, поднял связанные руки к лицу, провел ими сверху вниз, огладил бороду, замер в молитве, молился о Дариже и сыне. Он знал, как тяжело им сейчас без его защиты, они, оскорбленные, униженные, страдали из-за него. Пусть он прав, но его оболгали, и он знает это, а его семья? Они страдают сейчас из-за него. Ему тяжело здесь в кандалах, но им, там, на свободе, тяжелее, чем ему. Боль раскаленной стрелой пронзила сердце, жгла грудь, трудно было дышать.

...ля илляха иль Алла... Только закончил последние слова молитвы, как заскрипела дверь и вошли трое солдат. Один из них лихо, хотел, видимо, выказать свое дружелюбие, сказал: «Салам алейкум!» Но тут же смутился и пробурчал: «Черт их поймет. Всегда забываю, может наоборот, алейкум салам?». Хаджи-Мурат повернулся в их сторону, выдавил: «Алейкум салам». Двое стали смеяться над третьим, приседали от смеха, хлопали себя по бедрам. Вдруг один уставился на миску, стал приглядываться, согнулся: «Ты чего? Не жрал, что ли? Смотри, так быстро загнешься. Ты думаешь, зачем мы трое-то пришли? Похоже зря...». Хаджи-Мурат понял, на что они намекают. В голове промелькнула дерзкая мысль, пусть только выведут... Хотел сказать, но из пересохшего горла вырвался хрип: «Выведы».

Ему развязали руки, но предварительно привязали две веревки в области запястья и теперь держали его, растягивая концы веревок. Третий раскрыл замок и отстегнул кандалы от колеса пушки, замотал цепь на среднюю часть кандалов. Медленно двинулись к выходу.

Ослепительный солнечный день, все покрыто белым снегом. Орел, парящий над ними в голубом небе, высматривал добычу. Величественные горы, укрытые голубыми снегами, искрились, и только он, в черном, черный от горя, стоял среди этого великолепия в окружении таких же черных людей. Это было чудовищно, непостижимо...

Его дернули за веревку, повели внутрь каземата. Он понял, что бежать нет никакой возможности. Пока завязывали руки и пристегивали кандалы к пушке, кто-то принес миску с кашей, и тот же кувшин с водой. Захлопнулась дверь. Он опустился на колени, о чем-то долго думал, сделал жест омовения лица, подвинул миску к себе, стал есть густую кукурузную кашу руками. В голове зрела мысль о побеге. Ему нужны силы, он должен бежать, если не бежать, то участь его известна: каторга или смерть. Выпив воду, не отбросил, как в прошлый раз, а опустил кувшин, все так же продолжая стоять на коленях. Мысли о побеге давились, толкались, выжигали мозг, безумные планы захлестывали друг друга, но пока... Ветка давила запястья, кандалы накрепко держали его пристегнутым к проклятой пушке. Усталость наливалась свинцом, стоявшее на коленях тело. Опустился на правый бок, долго, пристально всматривался в тот угол, куда убегали свободные мышцы. Ему захотелось видеть их снова, ему хотелось говорить с ними, он знал, что они его поймут, в нем росло жгучее желание рассказать им все... Стало совсем невыносимо, и он закричал. Но в ответ только тишина, которая взорвалась, отдаваясь легким эхом от стен и свода, и медленно затихла, сникла, угасла. О чудо! Перепуганная мышь выскочила из своего угла, промчалась пулей мимо него и скрылась в куче соломы в противо-

положном углу. Хаджи-Мурат вскочил на ноги, он понимал, что это хороший знак. Дыхание его было учащенным, сердце билось, как будто его опалил огонь, он почувствовал себя сейчас этой свободной мышью. Он убежит, он обязательно убежит! Но почему мышь была одна?

Присев на колесо пушки, старался успокоиться, заставил умерить бег своего сердца, глубоко дышал, с шумом втягивая воздух. Проходило, приступом возникшее, чувство возбуждения, в висках стучали молоточки. Инстинктивно дернул ногой, цепь глухо звякнула, стесняющее кольцо напомнило о себе болью, вернуло в жестокую действительность. Голова упала на грудь, чувство усталости, после возбуждения, делало свое дело. Хотелось пить, рядом стоял пустой кувшин, его медные бока тускло блестели, высокое, расширенное вверх горло, зияло черной дырой. Это сбивало с мыслей, которые сулили свободу, давали надежду. Хаджи-Мурат пнул легонько кувшин, тот перевернулся, покатился, описав дугу, вокруг своего горла-глаза, потом остановился напротив, уставившись на него, как бы с укором, и зло смотрел своей дырой, своим черным глазом. Так они долго еще смотрели друг другу в глаза. Кувшин, вернее его глаз, стал расплавляться от пышущего жарким злом сурового взгляда Хаджи, превращался медленно в золотистое пятно. Тяжелое забытие навалилось, понесло. Теперь пригрезился, вместо золотого пятна кувшина, ковер, он разворачивался, но почему-то на нем плясали злые, медного цвета, языки пламени, пламени-памяти...

– Кхэ! Эх, генерал, генерал Ключен... Ты далеко, не знаешь... Почему поверил этому шакалу Ахмет-хану? Что я сделал плохим русским? Я сошелся с Шамилем, не разрешал заготавливать дрова... в чем меня обвинил?

Мысли, одна горше другой, катились раскаленным валом, языки пламени поднимали наверх, выгаликали и сжигали обрывки событий последних дней. Сколько же их было? Хаджи-Мурат сжимал кулаки, веревка впивалась, давила мертвой хваткой затекшие кисти. Теперь он смотрел на связанные, синюшные руки, медленно разжал пальцы, закрыл глаза и с новой силой ощутил всю несправедливость случившегося.

Как он бахвалился перед ним своим письмом, тряс им перед носом, как он смаковал, когда читал ему это письмо! Знал, предвидел все, все предусмотрел, чтобы стать полным хозяином в Хунзахе... Он открыто, с насмешкой в лицо читал: «Я, генерал-майор, Ахмет-хан Мехтулинский, сообщаю Вам, командующему войсками в северном Дагестане генерал-майору Ключи фон Ключенау, что в последних сборищах, проходивших в разных дагестанских обществах для совещаний о неприязненных действиях против нас, старшины, давшие обещание друг другу быть единомышленными, положили, чтобы будущим летом предложить русскому начальству и ему, Ахмет-хану, вывести гарнизоны наши из Хунзахского укрепления, после чего они будут повиноваться ему более, нежели предки их повиновались знаменитому в Дагестане Аварскому Ума-хану, в противном же случае они будут сражаться с войсками нашими. Кроме того, Тиндское общество посылало нарочного к Шамилю для приглашения его прибыть в аул Тинды, и что к нему приезжали для переговоров андийские и гумбетовские мюриды... А еще, в чем лично удостоверился и подтверждаю, несколько человек, главных зачинщиков, распространяют между жителями враждебные против нас замыслы, причем неприязненные намерения свои говорят уже открыто. Одним из них, которого слушают все, является, Вам известный прапорщик, Хаджи-Мурат. Он подстрекает народ к саботажу и всяким нам противным действиям, все чаще замечен в сношениях с Шамилем».

Хаджи-Мурат помнил каждую строчку этого письма. Да, генерал Розен присвоил ему офицерский чин прапорщика и назначил правителем Аварского ханства, но это временно, до того, как подрастет истинный наследник... А этот донгуз Мехтулинский спит и видит себя правителем. Какой я ему соперник? Все хочет прибрать к своим рукам. Пусть он из тухума, пусть он из родственников, женат на аварской дочери наследных ханов, но он чужой, он из Кумыкского ханства, из Темир-Хан Шуры. Он никогда не будет своим. К горлу снова полынью подкатил горький ком, той дикой полынью, как в далеком детстве, когда он впервые испытал

её горький вкус. Тогда, давно, с ним сыграли злую шутку, сказав, что эта трава очень приятная на вкус. Он помнит всю жизнь этот вкус полыни, только давно ушло детство и шутки теперь другие... Он с трудом проглотил, казавшуюся горькой, слюну. Он не мог ее выплюнуть на землю. Грех плевать на землю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.